

витія»—въ смыслѣ объективнаго наполненія: развитія умственнаго, эстетического, развитія наблюдательности и т. п., а въ смыслѣ развитія именно того внутренняго въ себѣ начала, чрезъ которое, какъ прекрасно выразился гр. Толстой въ XII-мъ томѣ своихъ соч., «духовная дѣятельность человѣка является его внутреннимъ тяжелымъ призваніемъ, единственнымъ несомнѣннымъ, признакомъ присутствія котораго является самоотверженіе, жертва собою для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы...» Такъ вотъ, съумѣть внести это внутреннее этическое начало и въ свою дѣятельность эстетическую, придавъ послѣдней, въ собственныхъ глазахъ, значеніе лишь служебное, подчиненное, съумѣть найти свое внутреннее призваніе и найдя—увидѣть въ немъ столько же правъ, сколько и обязанностей, налагаемыхъ имъ, столько же эстетического наслажденія процессомъ творчества, сколько и нравственной отвѣтственности,—это-то и значитъ—выбрать свой талантъ этически, направляя его согласно высшей красотѣ, ибо эта «высшая красота» и есть, по выраженію гр. Толстого, «истинная красота добра», въ отличие отъ той «красоты веселаго зла», исключительность служенія которой вызвало позже столько въ немъ раскаянія: «...Сколько разъ, говорить онъ, ухитрялся я скрывать въ писаніяхъ своихъ тѣ затаенные стремленія души своей къ *истинной красотѣ добра*, такое странное развитіе которыхъ составило позже оправданіе и смыслъ моей жизни» (Испов.). Что же, спрашивается, вызывало эти «ухищрепія»?—Отвѣтъ: исключительно-эстетической взглядъ на свой талантъ, какъ источникъ чисто личныхъ цѣлей успѣха, честолюбія, тщеславія... Чѣмъ вызвано позднѣйшее «раскаяніе» гр. Толстого? сознаніемъ той *прислуживающей* роли, которая отводилась имъ своему таланту, и благодаря которой онъ долженъ былъ,